

СОЦИОЛОГИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ НЕСОЦИОЛОГОВ

В статье рассматриваются теоретико-методологические и прикладные проблемы восприятия и использования социологического знания не социологами: специалистами естественных наук, другими учеными-гуманитариями, а также теоретиками и практиками социального активизма. Делается вывод, что социолог призван не только облегчать междисциплинарную и межорганизационную коммуникацию, добиваясь взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между учеными и гражданскими активистами, но и стараться направлять ее на цели модернизации, перехода страны в фазу «общества знаний». Методологически это означает превращение социолога в инсайдера, а технологически — его участие в поддержании междисциплинарного диалога, в создании сетевого механизма для соединения научного, экспертного и активистского знания.

Ключевые слова: знание научное и локальное, естественные науки, социология, социальный активизм, гражданское общество, Россия.

Постановка вопроса

Социологи, руководствуясь максимой Э. Дюркгейма «социальные факты — только на основе социальных фактов», изучают общество по созданным ими же методикам и потом предъявляют результаты обществу. Эта классическая «вертикальная» схема используется для опросов общественного мнения, обучения студентов или выполнения социального заказа. Социологи сами думают, как сделать результаты своих исследований полезными обществу, публичными, хорошо усвояемыми и т. д. (см. например: [4]). О необходимости публичности социологии говорят особенно много. Но если мы посмотрим, кто реально привлекается властью для разработки стратегии модернизации общества, то есть размышляет о вкладе нашей науки в социальные изменения, о развитии диалога между обществом и государством,

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (499) 128–86–76. Электронная почта: yanitsky@mtu-net.ru

наконец, об аутентичной интерпретации социальной истории общества, будь то Россия или Европейский союз, мы увидим, что среди них социологов практически нет [3, 14]. Если мы подойдем с другой стороны и посмотрим, как ведут себя ученые-естественники, когда они говорят о модернизации России и вообще о перспективах ее развития, то результат будет такой же, то есть почти нулевой. Сегодня в разработке стратегии этого развития фактически участвуют экономисты и политики, бизнесмены и военные, представители силовых структур. Все это означает, что власти предрасполагающие отводят социологам более чем скромную роль комментаторов текущих событий, а на сленге самих журналистов, которые всегда знают «кухню» подобных заказных исследований, — роль производителей «джинсухи» и «заказухи», подпирающих решения властей.

Если вернуться к мнению серьезных ученых мужей, то процесс «лишения» социологии роли интерпретатора и прогнозиста общественной динамики объективен в современном мире. Вот мнение К. Эрроу, нобелевского лауреата по экономике: «Рынок не совместим ни с чем. Ни с демократией, ни с авторитарным строем — ни с какой формой правления». Надо понимать так, что рынок, то есть экономика, есть альтернатива обществу. И далее: «Политическая сфера из арены классово-борьбы превратилась в рынок политических услуг... Если угодно, рынок вообще вытесняет общество как каркас человеческих отношений» (цит. по: [1, с. 109, 113]). И нынешний кризис, похоже, подтверждает эту концепцию. Кризис был порожден «финансовым пузырем» на рынке недвижимости США, и борьбу с ним возглавляют финансисты, а не традиционные экономисты и тем более не социологи. Если следовать логике Эрроу, создается впечатление, что масса социологической информации производится тем же всеохватывающим рынком в его собственных интересах. То есть опять мы натываемся на ту же «вертикальную» схему работы «машины социологии», только положенную плашмя, горизонтально.

Тема «поля социологии» или «пределов социологии» (А. Здравомыслов) широко обсуждается внутри социологического сообщества. В данной статье я предлагаю взглянуть на ту же проблему «снаружи», глазами тех, кто живет и работает вне нашего сообщества. Из этой необъятной темы я выберу только двух субъектов действия: (1) ученых и специалистов точных и естественных наук и (2) представителей новых общественных движений, прежде всего экологического и краеведческого. У этих двух, на первый взгляд, полярных субъектов есть общий знаменатель: оба являются производителями знания, теоретического и прикладного (практического), то есть имеют прямое отношение к актуальной проблеме перехода российского общества от индустриальной фазы к фазе «общества знаний», как бы фантастически это сегодня ни звучало.

Методология анализа

Ее главный принцип прост, он обозначен в заголовке статьи: деятельность социологического сообщества, его продукция, статус и т. д. рассматриваются (анализируются, критикуются) «со стороны», глазами потенциальных, но просвещенных потребителей социологического знания. Поскольку я не обнаружил в науковедческой литературе разбора такого подхода (кроме классических работ Ч. Сноу и его последователей о наличии двух культур) и поскольку со времени дискуссии по этому поводу прошло уже почти полвека, за которые взаимодействие наук (междисциплинарный подход) сильно продвинулось, и наконец, поскольку речь идет о России, я буду опираться (1) на общеметодологические разработки моих западных коллег, которые интенсивно велись по обе стороны океана лет 10–15 назад (см.: [19, 18, 15, 12]), и (2) на материалы собственных эмпирических исследований, выполненных методом глубинных интервью и записей «oral histories» российских математиков, физиков и некоторых других высококлассных специалистов несоциологического профиля. Во втором случае мною был использован метод дискуссии, в ходе которой лидер или активист экологического движения и социолог старались обозначить точки расхождения и сближения наших взглядов. Не обошлось и без личного интереса. Мне, выросшему в естественнонаучной среде, прошедшему школу урбан-социологии и занимающемуся эко-социологией, которая по сути своей междисциплинарна, было особенно интересно выявить эти точки сближения и расхождения.

Естественники против гуманитариев?

Начну со скандала, недавно случившегося на климатическом саммите в Копенгагене (2010). Одни ученые говорили, что климат меняется, неся человечеству глобальные экономические и социальные бедствия, другие сомневались в этом, а третьи, журналисты (и кое-кто из больших ученых тоже), утверждали, что и те, и другие были просто куплены. Скандал скоро сменился другим, но еще раз стало ясно, что наука теряет право на истину в последней инстанции, что финансовый капитал — такой же игрок на политическом поле, как и парниковый эффект, и что мнением социологов в очередной раз не заинтересовались. Адепты эволюционизма и конструктивизма в социологии продолжат свои споры, но это будут споры в своем кругу, так сказать, на своей «социологической кухне». Почему опять так? Почему, как я вижу в который раз, общаясь с ними уже добрый десяток лет, естественники, математики и даже историки не интересуются социологией? И с удивлением видят мой интерес к работе историков, в том числе историков науки.

Прежде чем перечислить их претензии к нам, социологам, приведу их общее недоумение: а зачем вообще столько опросов? Зачем все

время что-то выпытывать, выпрашивать? Естественников и историков интересовала не столько сама частота опросов, порой непонятных, особенно — в ситуации ответа «на ходу», а принципиально: зачем их столько? Там, на Западе, это объяснимо, потому что общественное мнение действительно, к нему политическая власть очень чувствительна, но у нас-то нет общественного мнения, которое бы учитывалось властью, говорят они. У нас «наверху» ведь все решают сами.

Второй, скорее тезис, а не вопрос: «Внизу места много», как сказал известный американский физик. Много — в том смысле, что чем глубже физики погружаются в микромир, тем больше вопросов возникает. В частности, биофизиков мучает до сих пор нерешенный вопрос о происхождении жизни на Земле, и вообще о том, каков переход из неживого в живое, «химизм» этого процесса. Вот мнение биофизика проф. М.А. Мокульского (из разговора с ним): физика идет «вниз», к изучению все более мелких частиц. В физике и некоторых других естественных науках «тревожный застой»: физики и биологи в ожидании теоретического прорыва в понимании связи живого, неживого и духа.

Поэтому большой (т. е. социальный) мир физиков интересует мало, тем более в нашей социологической интерпретации. Но история и судьба России их волнуют чрезвычайно. Вот одна из фундаментальных проблем науки, решение которой может оказать громадное влияние на жизнь нашего социума. Зачем же им, занятым такими фундаментальными проблемами, какая-то социология? Что она может дать им, кроме наукообразного оформления банальностей?

А теперь — по пунктам о причинах отторжения социологии или малого интереса к ней со стороны представителей точных и естественных наук. Я, естественно, пропускаю тот период развития социологии, когда она уподобляла обществу живому организму, хотя солидарен с В.Г. Николаевым в том, что Чикагская школа и этнометодология до сих пор актуальны. Но возьмем в расчет только последние полвека.

Во-первых, это отторжение происходило и происходит потому, что они, в своей массе технократы и прагматики, полагали, что если они обеспечат безопасность страны, выигрывают гонку вооружений, то такие элементарные, по их мнению, вопросы, как развитие благосостояния и культуры сможет решить почти любой (помните: «Любая кухарка должна уметь управлять государством»). Если социология и нужна, то для демонстрации мощи нашего государства и превосходства нашего образа жизни, то есть чисто демонстрационно. «Остаточный принцип» развития социальной сферы и гражданского общества (о последнем они и не слыхали — для них понятие «общество» было равнозначно понятию «государство») они считали правильным и нормальным, поскольку главная задача казалась им решенной. И таких технократов с имперской идеологией КПСС взрастила великое множество. Вспомним историю А.Д. Сахарова. Сначала в течение двух

десятков лет он делал одну бомбу страшнее другой, возвышаясь по социальной лестнице, и лишь потом, на склоне лет, заговорил по-иному: о мире, о конвергенции двух систем и т. п. Замечу, что он ошибся и в том, и в другом.

Во-вторых, были и есть иные технократы, так сказать, с двойным дном. Они, делая свое «техническое дело», в том числе бомбы и другие средства массового уничтожения, не могли не думать о судьбах общества и мира. То есть второе «дно» у них гуманитарное, общечеловеческое (Дж. Гелбрейт, П. Капица). Эти математики и естественники гораздо лучше многих из нас знают историю России/СССР/РФ и продолжают интересоваться ею вне зависимости от того, являются ли они математиками или физиками. Более того, например, в Институте прикладной математики РАН разрабатывают концепцию «большой истории» или «истории больших чисел» (я бы назвал эту концепцию «колеей цивилизационной истории»), которая может серьезно повлиять и на оценки происходящего социологами. Мне кажется, мы недооцениваем их интереса к обществу, к его истории или просто не хотим изучать его.

В-третьих, их интересуют «длинные волны» российской истории, поскольку они как ученые привыкли верить не словам, а фактам: архивным документам, живым свидетелям тех или иных поворотных точек в этой истории, но также и потому, что для них не существует дурацкого табу нашей дисциплины: «социальные факты — только на основе социальных фактов». Уже давно они знают, что самые интересные открытия и самые верные (для данной эпохи, конечно) парадигмы рождаются на перекрестье наук и их разных методов. Мы в последние годы совершенно перестали изучать историю собственной науки социологии (ее можно именовать социографией по аналогии с историографией). А ведь это — источник нашего движения вперед, в том числе понимания возможностей модернизации. Кстати, как историки, так и естественники, не отрицая, что в нашей истории были периоды подъема и спада, модернизационных «рывков», почти не работают с этим понятием, относя его скорее к политическим лозунгам, нежели к научным концептам.

В-четвертых, они — инсайдеры, они живут внутри «машины науки», внутри научного процесса, и посему гораздо лучше нас знают всю малопримечательную политическую и социальную подноготную наших «эпохальных» достижений в науке, а точнее — безвозвратных потерь и упущенных возможностей в ней. И здесь они, безусловно, сильнее нас, потому что знают, какие препятствия чинились необходимым стране инновациям, например, урановому проекту, задуманному и руководимому в 1930-е гг. В.И. Вернадским. Чинились только вследствие политических амбиций, невежества и близорукости высших руководителей страны, с одной стороны, и борьбы за звания и долж-

ности среди конкурирующих групп разработчиков этого проекта, а затем и атомной бомбы, с другой. Мало, например, кто знает, что космические «борты», стоившие огромного труда тысяч ученых и инженеров и миллионных затрат, ходили в космос зачастую пустыми, без четких заданий, скоординированных научных программ и т. д., выполняя тем самым чисто политические функции. Истинная история русской науки и ее роли в модернизации и демодернизации страны лишь приоткрыта в отношении биологии, что отбросило нас только в этой области почти на 20 лет назад. А вот история борьбы групп и кланов внутри огромного комплекса наук, работавших непосредственно на ВПК, не написана до сих пор. Мы часто слышим стенания по поводу идущего сегодня разрушения «научных школ», но только сейчас начинаем узнавать о том, какую борьбу и какими жестокими методами лидеры этих школ вели между собой, прикрываясь формулой «защиты государственных интересов».

В-пятых, понимая, что серьезная наука всегда была и остается «политизирована сверху донизу» (см. [19]), эти ученые гораздо более интересуются ролью отдельных лидеров от науки, потому что считают, что вся механика функционирования и развития последней зависела от позиции и связей отдельных амбициозных личностей — назначенных сверху лидеров тех или иных направлений исследований и разработок.

В-шестых, физики, химики, математики, не менее чем рядовые рабочие и инженеры, испытали на себе силовые методы действия политической машины, когда не творческие импульсы критического мышления, не эксперименты, а приказы сверху ломали их судьбы, заставляли менять специализацию и даже профессию, переезжать в глухие места, отрываться от семьи и т. д. Силовой мобилизационный стиль работы государственной машины, помноженный на страх, давал свои результаты, принося людям ВПК награды и материальные блага, но ломал их как личностей. Приведу пример из 1970-х годов. Физик, сотрудничающий с ВПК, пришел к сановному чиновнику просить денег на эксперимент. Тот ответил, что деньги-то есть, но дать их он не может, потому что запрашиваемая физиком сумма смехотворно мала: «Мы такими суммами не оперируем!».

В-седьмых, серьезные ученые старшего поколения на местах видят, из какой случайной среды срочно рекрутируется преподавательский корпус социологов. И когда эти люди, еще не овладев азами социологической методикой, начинают проводить среди физиков, математиков, химиков, геологов и других специалистов массовые опросы, это вызывает у последних естественную реакцию отторжения: «опять вы со своими анкетками!». В этом отторжении огромную роль сыграл общий негативный фон бесконечных опросов, нацеленных на выявление потребительского, в том числе политического, спроса («Пойдете ли вы

на выборы? За кого будете голосовать?»). Бесконечные интерактивные опросы, организованные журналистами наспех, на злобу дня, и проводимые по 5–10 раз на дню только, скажем, «Эхом Москвы», а таких радиостанций десятки, окончательно уничтожают ценность социологического опроса как инструмента научного анализа в глазах серьезных специалистов естественных и точных наук. Профанация социологии как науки и ее методов идет полным ходом. В СМИ вы никогда не услышите: «Социологи доказали, что...», нет, там привычная и ни к чему не обязывающая форма: «Социологи говорят, что...».

В-восьмых, физики, математики или биологи не глупее нас и понимают, что социолог, если он не самоубийца, никогда не скажет всей правды, а ведь «социологическая правда» всецело зависит от того, как мы сформулируем свои вопросы обществу. Они, так же, как и мы, и политологи, говорят полуправду, облекая ее в форму индивидуального мнения и тем самым уничтожая всю ценность проведенного исследования. Личности масштаба акад. В.Л. Гинзбурга, А.М. Прохорова или П.Л. Капицы ушли навсегда. Тем, кто занимается защитой прав ученых, как акад. Ю. Рыжов, никакие социологические исследования не нужны. Для них единственно надежный социологический метод (и индикатор политической ситуации в стране) — это знание конкретных «случаев» притеснения ученых за их убеждения, а этого было достаточно в нашей истории. Ирония истории: судебные процессы по таким делам по сути есть социологическое исследование. В этих процессах присутствуют многие его методы: наблюдение, включенное наблюдение, анализ документов, дискуссия, общественные слушания и т. д. Впрочем, как говорил Б. Латур, «исследование все более превращается в расследование».

Наконец сегодня, зная лучше нас, социологов, каков действительный разрыв между уровнем научного и инженерного знания там и здесь и какими темпами эта пропасть расширяется, математики и естественники считают массовые опросы и другие сиюминутные срезы социальной действительности просто бессмысленными: зачем тратить время и деньги на сиюминутные срезы, когда долговременный тренд очевиден? Наука в современной России была уничтожена как идеолог и субъект социального развития раньше, чем она могла бы авторитетно указать на действительные пути выхода из кризиса и перехода на рельсы модернизации. Только сейчас ей возвращают частицу заслуженного авторитета, но возвращают, как и 50–70 лет назад, по воле «сверху» и далеко не всем. Над учеными поставлены крупные бизнесмены и бюрократы. Лозунг «Учиться и учиться», обращенный когда-то к массе молодого населения страны, сегодня не популярен — у них в моде купить, скачать, украсть. Снова все, в том числе какие знания и оборудование покупать, будет решать элита. Весь вопрос: какая именно?

Но если я все же прошу их прокомментировать ценность результатов некоторых массовых опросов, то первое, что их интересует, это метод сбора исходной информации. И вот здесь возникает ряд вопросов, на которые я не могу ответить без помощи специалиста по методике таких опросов.

Первый и основной вопрос: кто и как строил сеть? Когда я говорю, с чужих слов, что сеть не их, что фирма, проводящая опрос, ее покупает, сразу возникает сомнение в достоверности его результатов: может быть «сеть заранее знает, как нужно отвечать»? Ведь у всех на слуху примеры искажения результатов очередных выборов! Далее, а силовиков, которых несколько миллионов, опрашивали? Нет. В тюрьмах и казармах опросы проводили? Нет. А в больших корпорациях и прочих структурах, у которых даже нет номера телефона? Нет! А как вы входили в элитные дома и прочие режимные объекты? А бомжей и прочих бездомных, беспаспортных, без регистрации и т. п.? Нет! А ответы алкоголиков и наркоманов учитывались? А вообще, почему вы уверены, что *свободный* человек отвечает так же, как и *несвободный* (подследственный, заключенный, приговоренный и просто дезориентированный, коих сейчас так много)? Кого же вы тогда опрашивали? Получается, говорят они, что вы опрашивали только тех, кто *вам был доступен*, а результаты опроса потом распространяете на все общество, так?

И другой, важный для них, но и для меня, изучающего движения, вопрос: изучая общественное мнение, вы раскладываете его по таким группам, которые не являются актерами, деятелями. Почему? Да, молодежь или люди старшего возраста могут быть более активны, чем другие. Но в инициативные группы и общественные движения собираются самые разные люди! Лидер — он потому и лидер, что объединяет разных.

Третий — нелишний

Третий — это совокупный активист, актер, агент социального действия. Теорией и практикой занимаются и естественники, и социологи, и активисты, но это — разные теории и практики. Разные по целям, масштабу, характеру и требуемым ресурсам. Поэтому активистам нужны иные данные естественных наук и социологии. Какие именно?

Сначала — об общей ситуации. Если мы обратимся к истории российской науки второй половины XIX – начала XX века, то многие ее выдающиеся и рядовые представители были одновременно исследователями и гражданами своей страны, заботящимися о ее благе. То есть эти люди были одновременно и исследователями, и активистами. На почве этого соединения, собственно говоря, и возник феномен *русской интеллигенции*, сколько бы бранных слов не адресовалось

людям этого слоя. Даже в первую половину сталинского террора, несмотря на репрессии и презрительное звание «прослойки», эта граждански ориентированная интеллигенция существовала. Но советская, а затем и нынешняя власть неуклонно гнула свою линию на разделение политики и науки, политики и бизнеса. В конечном счете, казалось, что это ей удалось: появились профессиональные политики (сначала коллективные, типа Политбюро ЦК КПСС, а позже, в перестройку, и отдельные узнаваемые фигуры) и интеллектуалы, то есть ученые-профессионалы, узкие специалисты, в том числе социологи.

Но как только режим ослабел, а затем и рухнул совсем, эта социально-генетическая связка научности и гражданственности тут же возродилась, причем движение шло с обеих сторон. Ученые вернули себе право быть гражданами, заботящимися о благе общества, о его демократизации и сохранении природы, а гражданские активисты, осознав, что без знания социальной механики им не обойтись, организовавшись, обратились к социологам за помощью. Ключевую роль в этом быстром возрождении сыграли не только демократизация и гласность, но и «социальная генетика», коллективная память о гражданском активизме российских ученых-естественников почти целого столетия (*path dependence*). Период 1985–1993 гг. был в СССР/России уникальным временем объединенного социального активизма ученых и рядовых граждан на основе взаимного *доверия* и *взаимодействия* с целью расширения и легального закрепления гражданских прав и свобод. Значит, такой союз в принципе достижим и возможен! Конечно, с развитием гражданского общества разные его ветви относились к социальному знанию по-разному. Анархисты говорили, что им не нужна современная социология, потому что они опирались на модель «безгосударственного» общества, разработанную П. Кропоткиным. Они видели свою гражданскую роль в пробуждении общества к осознанному социальному действию, к самоорганизации [7, 8]. Экологи (природоохранники) утверждали, что «они, как профессионалы, знают лучше». И это было не беспочвенное утверждение, потому что они были инсайдерами, знали механику социальной жизни изнутри, причем механику, сочлененную с жизнью природы. Но когда все опять покатило вспять, они, обретя опыт борьбы с бюрократией и диким бизнесом, изменили свою точку зрения и «пошли в народ».

Вот как они видят ситуацию сегодня: «Социологические опросы мы обычно заказываем, потому что это работа, которую нам просто технически невозможно выполнить... Но иногда на <нашем> сайте <мы> делаем опросы сами». Они научно нерепрезентативны, но полезны. «Потому что, с одной стороны, социологам полезно получить от общественного движения информацию о тех проблемах в обществе, которые они, может быть, даже не чувствуют — все-таки есть проблемы такого рода, а общественным организациям совершенно необ-

ходимо знать, что происходит в обществе, в том числе количественные индикаторы его состояния» [из интервью с И. Блоковым, 2009]. И так, активистам прежде всего нужна быстрая и достоверная социологическая информация изнутри общества или его части, но не «вообще», а по конкретной проблеме или конфликту.

А вот как видят ту же ситуацию экологи: «Мышление гуманитариев плохо структурировано. Студенты биофака прошли большой практикум, малый практикум и другие ступени общения с предметом и преподавателями, умеют писать отчеты и рекомендации. А молодые журналистки, хорошие, умные девушки, которых я взял на работу, этому не научены. Они не владеют русским. Я учил их, как писать статьи, лет пять. В конечном счете наш журнал дошел до уровня, когда он смог выйти на рынок». Вторая наша беда — это проблема перевода на языки других наук и политики. Мы до сих пор все еще «замкнуты на свои биологические проблемы. Поэтому, думаю, что проблема перевода актуальна, эту проблему я не снимаю. Мы до сих пор не научились выходить на широкую аудиторию» [из интервью с С. Забелиным, 2009].

Наконец, что же думают сами социологи? В. Радаев: позитивная программа социологии «должна начинаться с идентификации ключевых проблем и разворачиваться в напряженном поле этих проблем. При этом под “проблемой” я понимаю не просто какие-то общие или частные недостатки, а существенные нестыковки, расхождения в позициях, болезненные разрывы в понимании, которые мешают нам жить и которые приходится преодолевать. А позитивная программа, соответственно, представляет не свод готовых рецептов немедленного и гарантированного излечения от всех болезней, а совокупность векторов, своего рода ориентиров, показывающих, в каком направлении целесообразно продвигаться, чтобы преодолеть эти разрывы... Я полагаю, что вместо выстраивания защитных порядков против неофитов и профанов (например, против студентов и представителей других специальностей, интересующихся социологией) теории должны быть относительно транспарентными, т. е. понятными, по крайней мере, образованной и получающей образование публике». Далее, «ключевым проектом в этом отношении должно стать строительство “методологических мостов” между подходами (конвенциональных связей, интерфейсов, конфигураторов, называть это можно как угодно)... «Современный университет, чтобы быть успешным в долгосрочной перспективе, должен стать мультифункциональной структурой, открытой не только для профессионального сообщества (российского и международного), но и для неакадемической среды. Такая структура призвана, не подменяя академическую работу ремесленничеством, выстраивать органичные связки: между исследованиями и образованием, фундаментальной теорией и рыночной аналитикой, коммерческим

консультированием и социальной политикой» [5]. Я согласен с этими и многими другими позициями этой программы, хотя при всей широте взгляда на проблему, это все же взгляд университетского профессора. Но важнее другое. Я не нашел в ней одного: какие исследования нужны и каких специалистов готовить для развития гражданственности и гражданского общества, для самой науки о социальном активизме. Есть, правда, один принципиальный вопрос. С одной стороны, на Западе такая наука существует и непрерывно развивается уже более 150 лет, если считать от ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса. С другой, в наш «переходный период», помноженный на растущую неопределенность мир-системы, может быть возможна только эмерджентная социология активизма. Частная и сугубо прикладная? Так или иначе проблема разобщенности, разъединенности глобального и локального взгляда на современные проблемы и соответствующего разъединения двух типов социального активизма — транснационального и локального — существует (см., например: [21]). А вот крайняя российская позиция: «Нет никакой точки зрения на историю, кроме точки зрения обывателя, жившего в те времена» [6, с. 15].

Теперь перейдем к проблемам этого активизма и его носителей как таковых. Активист, действуя в разных социальных средах, принципиально междисциплинарен и межсекторален по характеру своей практики. Более того, обстоятельства часто вынуждают его осваивать новые знания и профессии. Это — не всеядность, а необходимое условие успеха его деятельности. Например, по нашим подсчетам, «круг общения» лидера современного российского экологического движения измеряется десятками организаций и многими сотнями отдельных лиц, что сравнимо по масштабу с кругом общения таких выдающихся ученых-энциклопедистов и экспериментаторов, как В.И. Вернадский или Д.И. Менделеев. Активист вовсе не чужд теоретического знания, более того, как практик он часто дает импульс к его развитию. Это только означает, что активист должен понимать смысл теоретического знания для его практической, в том числе политической, деятельности. В естественных науках, как говорят их представители, одни физики не понимают других. В социологическом сообществе дисциплинарные размежевания также достигли апогея. Однако потихоньку, не желая публично признавать тупикового характера такой односторонности (потому что тогда пришлось бы менять всю систему организации науки и образования), все чаще работают на стыке наук, потому что это продуктивно.

Теперь — о конкретных различиях. Во-первых, если целью естественников является *познание действительности в ее «неизменном виде»*, а социологов — также изучение и понимание фиксированных структуры и функций общества или его частей, то целью социального активизма (в форме акций, кампаний, судебных тяжб и др. коллек-

тивных действий) является прежде всего изменение деятельности противоборствующих им сил «здесь и сейчас»: остановить стройку, реализацию проекта или решения, которые наносят вред обществу или природе. Или даже изменить ценностные основания жизни нашего общества — я имею в виду переход от его потребительской модели к экологической.

Поэтому, во-вторых, если целью естественников и социологов является движение процесса познания «вниз», к познанию все более тонких механизмов природы или общества, то вектор активизма, как правило, направлен «вверх», против действий государства, бизнеса или других организаций общества. Это не означает, что активистов не интересуют фундаментальные законы природы и общества как таковые, но их цель и задача — защита интересов конкретного биологического (экосистемы) или социального организма (сообщества).

В-третьих, первые и вторые изучают тем или иным образом **«фиксированные» процессы или системы**. В лабораториях теоретиков-естественников создаются для этого специальные условия эксперимента, они фиксируются, отслеживаются, изменяются в соответствии с программой экспериментатора. Для социолога-теоретика такой лабораторией являются фиксируемые эмпирически состояния общественного мнения, условия устойчивости или тренды динамики структурно-функциональной организации социальных систем (сообществ) различного масштаба. Поэтому с известной долей условности деятельность первых является деятельностью *in vitro*. Хотя социологи-теоретики все чаще квалифицируют состояние современного общества как неопределенное и непредсказуемое, тем самым перебрасывая мост к активистам, которым, как правило, приходится действовать в обстоятельствах неопределенности. Но все же деятельность активистов — это на 99% работа *in vivo*, в постоянно изменяющихся обстоятельствах. Их меняет контрагент, последствия его вмешательства в экосистемы, или они меняются сами как реакция на действия «противника».

Отсюда, в-четвертых, для активиста экологического или другого социального движения ситуация *in vivo* означает *конфликт*, где есть союзники, противники, *free riders* («халявщики») и сторонние наблюдатели. Конфликт — сугубо *динамическая система*, в нем активист способен зафиксировать только исходные обстоятельства (расстановку сил, их цели и ресурсы). И то, только весьма приблизительно, потому что противоположная сторона делает все, чтобы обмануть, переиграть или силовым образом подавить усилия коллективного актора (активиста). Далее, по мере развития конфликта может меняться все: состав участников, их позиция, структура политических возможностей данного социального движения, наличные и требуемые ресурсы для достижения цели активистов и даже первоначально намеченные ими цели. *Конфликт — это живая система*. Поэтому знание, тре-

буемое для успеха коллективного действия, будь это акция протеста и пропагандистская кампания, судебная тяжба или общественная экспертиза, это *знание*, в том числе социологическое, должно *постоянно изменяться*, наращиваться активистами применительно к изменяющимся обстоятельствам.

В-пятых, *о ресурсах* — *особо*. Никакое научное исследование не может начаться, если нет его концепции, гипотез, детализации задач, методов сбора информации, ожидаемых результатов, схемы организации работ и ресурсов, материально-технических, финансовых и человеческих. Все это — норма научного исследования, включая экспериментальное. Наш коллективный активист (инициативная группа или социальное движение) находится в совершенно иной ситуации. Прежде всего, планирование заранее некоторого социального действия невозможно, так как оно, как правило, является реакцией (ответом) на планы или действия государства, муниципалитетов или бизнеса. Конечно, накапливаемый практический опыт дает в руки активисту некоторый набор социальных технологий ответа, но дело в том, что их применение зависит от непрогнозируемой ситуации на месте и вокруг, прежде всего в интернете. А если это невозможно, то неизвестно, какие, откуда и какого качества человеческие ресурсы понадобятся. И будут ли они прибывать или убывать по мере развития конфликта. Поэтому, в отличие от естественных наук и социологии, где господствует принцип *конструирования* исследования, здесь работает принцип «следуй за актором» (follow the actor). Меняется ситуация, расстановка сил, приток ресурсов — меняются тактика коллективного социального действия. Вот почему активистам так важны навыки междисциплинарности, психологической мобильности, умения маневрировать ресурсами и конвертировать их из одного качества в другое.

В-шестых, проблема, которую мы называем многоязычием. В теории есть общие тезаурусы, каждая дисциплина имеет свой набор ключевых понятий, и все мои попытки диалога (путем долгих и неоднократных бесед с выдающимися российскими физиками или историками) давали один результат: «вы говорите на птичьем языке», он нам чужд и непонятен. Когда я спрашивал: а как же обычные люди узнают и поверят вам? — ответа было два. Первый: этого им и не надо знать, мы сами тут разберемся, а «народ» должен только пользоваться результатами наших работ. Второй: для этого существует высшая школа и другие формы приобщения к полученным нами знаниям, где им все растолкуют.

Для активиста, находящегося в контакте с массой разных специалистов и бюрократов, это неприемлемо. Чтобы их убеждать, чтобы привлекать людей и ресурсы на свою сторону, чтобы, в конечном счете, демократизировать и экологизировать общественное сознание, *нужен общий язык*. Более того, научное или социологическое знание

только тогда используется активистом, если он может его понять сам и *перевести* на язык другой дисциплины или другой социальной группы общества.

Проблема языка приводит нас к другой не менее существенной задаче: соотношению научного/экспертного знания, с одной стороны, и локального знания/опыта, с другой. При позитивистской ориентации производства научного знания происходит их взаимное отторжение. Ученые-эксперты, будучи аутсайдерами по отношению ко всякому местному сообществу, всегда стремятся абстрагироваться от конкретной ситуации, местных культурных особенностей. Носители экспертного знания малочувствительны к локальному контексту, редко прислушиваются к голосам с мест, вникают в их ситуацию и возможности. В свою очередь, активисты на местах часто игнорируют экспертное знание, так как оно не приспособлено к их потребностям, ограничениям и структуре местных политических возможностей.

Интересно, что ведущие ученые, тесно связывая инновации с сетевой организацией их производства (да и самого общества), не делают следующего шага: к пониманию необходимости междисциплинарного диалога (см., например: [2]).

В частности, эксперты не учитывают тот факт, что освоение людьми научного знания всегда опосредуется культурой — профессиональной, локальной, бытовой или «активистской». Как пишет С. Иерли в отношении экологических лидеров, одни из них, будучи непосредственно вовлечены в решение экологических проблем, были вынуждены осваивать какую-то научную аргументацию. Другие осваивали экологический язык при помощи СМИ, третьи — в процессах переобучения, четвертые, как, например, медики, — для решения своих профессиональных проблем, пятые, как политики, — чтобы быть более убедительными и не делать грубых ошибок на публике. Наконец, лидеры массовых экологических кампаний были заинтересованы в росте экологической обеспокоенности и осознании жителями экологических опасностей [22, p. 172]. Таким образом, не существует какого-то одного простого способа освоения научного знания различными социальными стратами и сообществами.

Неожиданное, но серьезное подтверждение тесного влияния социального активизма на социологическую теорию недавно было получено от специалистов по социологии детства и взросления, области, казалось бы, весьма далекой от рассматриваемой нами проблемы. Исследование, проведенное в 10 странах, показало, что классическая (просвещенческая) теория социализации уже не адекватна. Ребенок уже есть социальный актер, что означает «поворот ориентации теории на будущее к настоящему, от обучения детей и приготовления их ко взрослой жизни к их текущим взаимодействиям в повседневной жизни здесь и сейчас», то есть переход от взросло-центрированной

теории социализации к анализу социального активизма и партисипации детей и подростков. Важно и другое: этот поворот в теории легитимизирует ее адвокативную функцию, направленную на поддержание детского активизма и участия подростков в решениях частной и публичной жизни [10, p. 159, 160; 11, p. 370–373].

Более того, научные, чаще всего политически ангажированные эксперты и гражданские эксперты из числа местных активистов опираются на разные культурные парадигмы. Первые полагают, что инструментальный контроль является нормой любого валидного знания. Значит, местное население не имеет собственной легитимной культурной специфики. Вторые опираются на парадигму культурной рациональности (подробнее о ней ниже). В итоге позитивистски ориентированное социально-экологическое исследование оказывается культурно отчужденным от местной жизни. Иными словами, результаты такого исследования могут быть воплощены в жизнь только в случае их соответствия местным культурным моделям и нормативным практикам. Это и есть культурная норма рассматриваемого нами процесса научного производства. Как пишут А. Ирвин и Б. Уинн, до тех пор, пока «универсальная наука» не признает фундаментальное разнообразие контекстов собственности, контроля и валидации, равно как и их «применения» как легитимных и необходимых, «понимание науки обществом останется печальной историей потерь и разочарований. Важно видеть изменяющийся культурный контекст, в рамках которого наука должна оперировать, где вызовы властям преобладающим скорее всего будет встречены критической, если не явно враждебной аудиторией» [19, p. 218–219]. Здесь мы вплотную подходим к понятию культурной рациональности.

О понятии культурной рациональности

В отличие от научной рациональности, которая опирается на эмпирические свидетельства, научный метод и экспертные суждения, которая подчеркивает важность логической последовательности и универсальности метода исследований, которая фокусирует свое внимание на квантифицируемых воздействиях, культурная рациональность подчеркивает или, по крайней мере, придает равное значение «личностному опыту или опыту близких в сравнении с деперсонализированными техническими калькуляциями. Концентрируя внимание на мнениях традиционных и местных групп, адепты культурной рациональности рассматривают неожиданные последствия как релевантные для их учета в краткосрочных решениях». Их трактовка «общественного восприятия риска» иная. Она, находясь за пределами выявления статистических вероятностей и калькуляций типа риск-выгода, интерпретирует это восприятие как «иную форму рациональности, которая определяется обсто-

ятельствами, в условиях которых риск выявляется и становится публичным, будь то положение или место индивида в его/ее местном сообществе или общие ценности последнего. В этом отношении культурная рациональность может быть понята как рациональность социального мира жизни» [13, р. 132–133].

Можно сказать, что культурная рациональность представляет собой также *иную логику принятия решений*. Эта логика проявляется особенно тогда, когда население подозревает, что его обманывают или манипулируют его мнением. В подобных случаях оно оценивает решения, предлагаемые ему экспертами, опираясь на собственный прошлый социальный опыт, прежде всего на опыт личного общения с экспертами или представителями власти. Очевидно, что вопрос о *доверии* является здесь ключевым. Как пишет Ф. Фишер, подобные вопросы особенно уместны, когда критически важные для населения решения принимаются далеко отстоящими от него, анонимными и иерархическими организациями, как это все чаще бывает в нашем транснациональном мире. Граждане хотят знать, каким образом решения были достигнуты, чьим интересам они будут служить, не имеют ли они скрытых целей, кто за них отвечает, как жители будут защищены, если что-то случится и т. д. [13, р. 137]. Как показывает российский опыт социально-экологических, жилищных (обманутые дольщики) и других конфликтов, чем выше для населения неопределенность ситуации, возможный уровень риска, потерь в будущем, тем вероятнее, что его поведение будет строиться именно в соответствии с моделью культурной рациональности.

Эта рациональность обеспечивает вполне определенные поведенческие реакции. В условиях почти каждодневных угроз и рисков население скорее всего будет больше озабочено сохранением собственной безопасности, нежели абстрактными калькуляциями возможной выгоды от какой-то научно-технической инновации в будущем. Например, если речь идет о строительстве нового блока атомной станции, то люди будут больше радеть о средствах защиты от радиации, нежели о предполагаемых выгодах от (возможного) получения более дешевой электроэнергии в будущем. Можно сказать, что экологическая культура местного сообщества представляет собой нормативный, то есть принятый в нем, способ интерпретации смыслов и значений материальных и информационных воздействий, поступающих извне. Соответственно, локальное знание как его часть есть знание о местном контексте, его специфических характеристиках, обстоятельствах, событиях и взаимоотношениях, а также о формах их нормативной (смысловой) интерпретации. Как таковое, локальное знание основано на опыте, глубокой рефлексии и здравом смысле граждан.

Отмечается, что культурная рациональность должна быть инкорпорирована политической культурой. Акцентируя необходимость сохранения уникальных черт индивидуального и группового образа жизни, включая знаковую (символическую) систему, посредством которой этот уклад воспроизводится и передается, адепты культурной рациональности настаивают на политизации самих оснований институтов принятия решений. Главным инструментом достижения этой цели в США и странах Западной Европы называют *движение за экологическую и иную справедливость*, то есть за относительно равномерное распределение экологических рисков во всех слоях общества [17, р. 85–96]. Теоретики общественных движений утверждают, что существующие в этих странах институты и их базовые ценности — не только часть экологической проблемы, но что они и есть главная культурная проблема [16, р. 192–206]. Что подтверждается реакцией населения США на разлив нефти в Мексиканском заливе в 2010 г.

Заключение

Итак, налицо разрывы и отсутствие взаимопонимания между производством *научного*, естественнонаучного или гуманитарного, знания и знания *деятельно-активистского*, носителями которого являются гражданские инициативы и общественные движения. Разрывы эти особенно опасны, потому что функционирование «вертикали власти» возвращает нас в советские времена, когда технократ, взявший на себя роль идеолога, говорит социологу: вот я придумал это (неважно, идет ли речь о технологии производства или власти), а ты, социолог, теперь обоснуй мне это. Это ставит трудные вопросы о границах взаимопонимания между академическим сообществом и населением, особенно в российской глубинке, об отношениях между частной выгодой и общественной пользой и, в конечном счете, о том, какова социальная модель современного этапа модернизации. Как мне представляется, чем пытаться создавать отдельные ее «оазисы» (кремниевые и иные долины), плодотворнее направить интеллектуальные усилия и ресурсы общества на построение более объемлющей сети производства знаний, обращая особое внимание на возникновение новых институциональных форм публичного действия, на способы взаимодействия институционализованного (формализованного) и локального (неформального, ненаучного) знания-опыта. Неправительственные организации, гражданские инициативы, союзы и коалиции, феминистские сети, активность профсоюзов — все они могут быть трактованы как обучающие системы в отношении модернизации производства и распространения нового знания. Носители формального академического знания должны работать в диалектическом напряжении с носителями публичного знания — экспертами и обычными гражданскими экспертами, с тем чтобы производить знание, применимое в разных

природных и социальных средах. Нормы и правила межнаучного и публичного диалога приобретают здесь ключевое значение.

В таком процессе социолог, ориентированный на действия, продуцирующие социальные изменения, скорее выступает в роли советника или консультанта, действующего «внутри» рассматриваемого процесса, нежели как отстраненный аналитик. Социолог призван не только облегчать межкультурную и межорганизационную коммуникацию, добиваясь взаимопонимания и конструктивного взаимодействия между учеными и гражданскими активистами, но и стараться направлять ее на цели модернизации, перехода страны в фазу «общества знаний». Технологически это означает его участие в создании сетевого механизма для соединения научного, экспертного и активистского знания. Социолог, как и другие участники рассматриваемого процесса, должен нести профессиональную и моральную ответственность за практические последствия его выводов и рекомендаций.

Послесловие: социологи начинают познавать императивы природы

Очередной международный социологический конгресс (Гётеборг, Швеция, 11–18.07.2010) прошел под лозунгом «Социология на марше». Достаточно неожиданно (только не для меня и еще десятка эко-социологов) этот «марш» решительно повернул в сторону экологии в самом широком смысле слова. Более того, его вполне можно назвать *климатическим или анти-карбонным конгрессом социологов* (то есть противников энергетики, выбрасывающей в атмосферу тысячи тонн CO₂). Достаточно сказать, что впервые на моей памяти открывали конгресс и несколько ключевых пленарных заседаний крупнейшие ученые-естествоиспытатели, которые объяснили собравшимся, что мир стоит на грани экологических мегарисков и катастроф, способных непредсказуемым образом изменить всю его институциональную и жизненную среду, если мы не поспешим изменить ее сами. Временами создавалось впечатление, что социологи впервые осознали, что они живут на земле, потребляют ее ресурсы, и что потребительская идеология элиты и масс несет реальную угрозу всему человечеству. Если полугодом ранее климатический саммит в Копенгагене не произвел на социологов никакого впечатления (или их просто туда не позвали), то похоже, что сегодня ситуация решительно изменилась: ключевые фигуры от социологии только и говорили о последствиях глобального потепления, причем не просто «говорили», а старались понять их предметно: строили графики, вычисляли вероятность наступления очередной экологической катастрофы, степень ее влияния на экономику и население и т. д. Все же, как ни старались социологи десятки лет смотреть на мир отстраненным взглядом аналитика *социальных* процессов, катастрофа в Мексиканском заливе по вине крупнейшей

международной нефтяной ТНК произвела на них шоковое впечатление. Катастрофа в США, потопы в Европе и засуха в России лишь повысили градус дискуссий. Вообще временами создавалось впечатление, что социологи, как дети, начинают познавать азы «устойчивого» (sustainable) сосуществования человечества и природы, хотя его принципы не социологи сформулировали почти полвека назад.

Достаточно напомнить исследования международной группы по руководством Д. Медоуза, работы таких классных специалистов, как У. Бек (Германия), Р. Данлэп (США), М. Фишер-Ковальски (Австрия), или группы под руководством Ст. Бойдена (Австралия), русских ученых М. Будыко, А. Яблокова, Н. Реймерса, М. Лемешева, серию докладов Римскому клубу, экологические саммиты, повторявшиеся каждые 10 лет, начиная с 1972 г. Но нет, тогда предостережения экологов и экосоциологов остались втуне, поскольку мир был обуян страстью потребительства.

Отсюда можно сделать несколько выводов: (1) ни на Западе–Востоке, ни тем более у нас социология как институт не участвует в выработке национальной и, тем более, глобальной политики. Можно создавать сколько угодно «позитивных программ» развития социологии, но по гамбургскому счету к реальной политике они не будут иметь никакого отношения, так как: (2) в глобальном рыночном обществе социология давно и прочно превратилась в один из «винтиков» экономического механизма, поэтому развитие социологического знания всецело зависит от степени чувствительности потерь, наносимых карману и престижу крупнейших ТНК (прежде всего нефтяных) их собственной деятельностью; (3) тем не менее, эко-локализм, понимаемый как необходимость «лечить» природу и, восстанавливая ее метаболизм на местах, тем самым выживать самим, все активнее пробивает себе дорогу в сознании социологов, прежде всего стран Азии и Африки, но и Австралии тоже; (4) 50 лет — *реальный шаг отставания* социологии как науки от осознания (понимания) реальности; (5) низкоуглеродное общество — абсолютно необходимое условие для его дальнейшей устойчивой модернизации; (6) напомню, что моя статья в Ежегоднике 2009 г. называлась «Экосоциология как перспектива» [9]. Я рад, что конгресс подтвердил мои соображения, и разрыв между амбициями человека и возможностями их реализации, определяемыми биосферой, наконец будет сокращаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кустарев А.С.* [Рецензия на книгу] Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005 // Pro et Contra. 2005. No. 2. P. 108—116.
2. *Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики. Учебное пособие. М.: Логос, 2008.

3. *Мионов Б.Н.* Социальная история России. В 2-х т. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999.
4. *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Отв. ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова.* М.: Ин-т социальной политики и гендерных исследований, 2009.
5. *Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии? [online]. Дата обращения: 06.04.2011. URL: <http://www.polit.ru/science/2008/10/24/radaev_speech.html>.
6. *Садулаев Г.* Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 2. С. 5–29.
7. *Фомичев С.Р.* Акция: от замысла до поведения итогов // *Акции экологического движения. Руководство к действию / Отв. ред. И. Халий.* М.: МАТРА, 1996. С. 53–56.
8. *Фомичев С.Р.* Разноцветные зеленые. Стратегия и действие. М.–Н. Новг.: Третий путь, 1997.
9. *Яницкий О.Н.* Экосоциология как перспектива // *Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. Экосоциология как перспектива.* М.: ИС РАН, 2009. С. 37–56.
10. *Buhler-Neiderberger D.* Childhood sociology — defining the state of the art and ensuring reflection // *Current Sociology.* 2010. No. 58 (2). P. 155–164.
11. *Buhler-Neiderberger D.* Childhood sociology in ten countries: Current outcomes and future directions // *Current Sociology.* 2010a. No. 58 (2). P. 69–384.
12. *Brush S.B., Stabinsky D.* Valuing local knowledge. Indigenous people and intellectual property rights. Washington, D.C.: Island Press, 1996.
13. *Fisher Fr.* Citizens, experts, and the environment. The Politics of Local Knowledge. Durham and London: Duke University Press, 2003.
14. *Fraser M.* (ed.) European Union: The Next Fifty Years. London: Financial Times Business, 2007.
15. *Gregory J., Miller S.* Science in public. Communication, culture and credibility. Cambridge, MA, 1998.
16. *Harvey D.* The environment of justice // *Living with Nature / Ed. by F. Fisher and M. Hajer.* Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 192–206.
17. *Hofrichter R.* Cultural Activism and Environmental Justice // *Toxic struggles: The theory and practice of environmental justice / Ed. by R. Hofrichter.* Philadelphia: New Society Publishers, 1993.
18. *Irwin A.* Sociology and environment. A critical introduction to society, nature and knowledge. Malden, MA: Polity, 2001.
19. *Irwin A., Wynne (eds.)* Misunderstanding Science? The public reconstruction of science and technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
20. *Nowotny H., Scott P., Gibbons M.* Re-thinking science. Knowledge and practice in the age of uncertainty. Malden, MA: Polity, 2002.
21. *Tarrow S.* The dualities of transnational contention: ‘Two activist solitudes’ or a new world altogether? // *Mobilization: An International Journal.* 2009. No. 10 (1). P. 53–72.
22. *Yearley S.* Nature’s advocates: Putting science to work in environmental organizations // *Misunderstanding Science? The public reconstruction of science and technology / Ed. by A. Irwin, B. Wynne.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 172–190.